

НЕИЗВЕСТНЫЕ РИСУНКИ ПУШКИНА

1. ПОРТРЕТ ПОЭТА ДЕЛЬВИГА

«Никто на свете не был мне ближе Дельвига, — писал Пушкин, пораженный известием о безвременной кончине друга, — вот первая смерть, мною оплаканная».

Ближайший друг Пушкина, его «брат названный», Дельвиг был связан с поэтом двадцатилетней дружбой, с самой школьной скамьи. Страстная любовь к поэзии, ненависть к арацеевскому духу александровского режима и взаимная любовь связывали их.

Дельвиг один из первых понял, что такое Пушкин. Горделивым восторгом проникнуты его стихи о шестнадцатилетнем поэте:

Пушкин! он и в лесах не укроется;
Лира выдаст его громким пением...

Когда Пушкин томился в ссылке, в Михайловском, Дельвиг приехал навестить его. Благодарные строки посвятил Пушкин приезду друга:

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С 1827 года Пушкин вновь в Петербурге. Судьбой отмерены были им еще четыре года дружбы. Но и на эти годы падали частые разлуки, вознаграждаемые такими замечательными подарками, как послание Пушкина Дельвигу «Прими сей череп, Дельвиг...». В блестящем, остроумном послании поэт рассказывал о похищении студентом из склепа скелета предка Дельвига. Он рисовал воображаемый портрет «крепкоголового» рыцаря и его изумленные при виде внука

.. без одежды бранной,
С главою, миртами венчанной,
В очках и с лирой золотой.

Дельвиг был в это время самым близким Пушкину человеком — Пушкин был уже на каторге в Сибири. В эти годы затеял Дельвиг «Литературную газету», в сущности, орган Пушкина, который и редактировал ее во время отлучек Дельвига из Петербурга.

Поэты одного направления, они понимали друг друга с полуслова. «Дельвиг не любил поэзии мистической, — с удовольствием вспоминал Пушкин острый афоризм приятеля — Он говаривал: «Чем ближе к небу, тем холоднее». Спокойный юмор Дельвига восхищал Пушкина: «Дельвиг говаривал, что самую полную сатиру на некоторые литературные общества был бы список членов с означением того, что кем написан».

Когда весной 1829 года вышла из печати книга стихотворений Дельвига, Пушкин был в Москве. Он приветствовал друга замечательным четверостишием «Кто на снегах возматил Феокритовы нежные розы?» и, назвав их «Загадка», послал с бронзовым сфинксом в Петербург Дельвигу. В эти самые дни, проводя вечер в семье своих друзей Ушаковых, Пушкин и нарисовал им портрет «своего Дельвига».

Этот рисунок является одним из редких для Пушкина законченных графических произведений. С другой стороны, открытие этого портрета существенно пополняет иконографию Дельвига. До сих пор мы знали только его портрет работы Лангера, бюст работы Гальберга и ряд набросков П. Л. Яковлева. Если яковлевские рисунки грешат наркратурностью, то первые два портрета отмечены другой тенденцией: Лангер готовил парадный портрет поэта для распространения в литографии при альманахе, а Гальберг работал в скульптуре; ему надо было дать прежде всего отчетливую форму лица, а главное — он делал посмертный портрет, он увековечивал черты поэта. Пушкин, не связанный никакими побочными соображениями, нарисовал наиболее убедительный, реалистический портрет расплывшего Дельвига с его характерной улыбкой и дал почувствовать образ своего умного друга, лирического поэта, «доброе Дельвига».

2. ПОРТРЕТ ДЕКАБРИСТА ЯКУБОВИЧА

«Герой моего воображенья» — назвал Пушкин Якубовича. Это известный декабрист, человек, знаменитый разнообразными историями, связанными с его отчаянной храбростью. Осенью 1817 года произошла в Петербурге нашумевшая дуэль из-за балерины Истоминой. Дуэль была необычной. Должны были стреляться две пары: камер-юнкер граф Завадовский стрелялся с гвардейским офицером Шереметевым и убил его; вторая пара — корнет гвардии уланского полка Якубович и служащий в Коллегии иностранных дел начинающий писатель Грибоедов — отложила дуэль и стрелялась через год в Тифлисе.

Зачинщик двойной дуэли Якубович был арестован и переведен из гвардии в армию — в «теплую Сибирь», на Кавказ. В одной из перестрелок он был ранен пулей в лоб и с тех пор не снимал черной повязки с головы.

Приехав в 1825 году в Петербург, Якубович примкнул к заговору декабристов. Он предлагал убить Александра I. Он должен был арестовать царскую семью. Осужденный по первому разряду, Якубович умер в ссылке в Енисейске после пятнадцатилетней каторги.

Пушкин, лично знавший Якубовича всего несколько месяцев после окончания лицея, был очарован его яркой личностью: «Когда я вру с женщинами, я их уверяю, что я с ним разбойничал на Кавказе, простреливал Грибоедова, хоронил Шереметева etc — в нем много, в самом деле, романтизма. Жаль, что я с ним не встретился в Кабарде — поэма моя была бы лучше». Но если «Кавказский пленник» не имел никакого отношения к Якубовичу, то в другом произведении Пушкина, в «Романе на Кавказских водах», Якубовичу было отведено центральное место. Повесть не была написана, но по многочисленным планам ее видно, что кульминационным эпизодом предполагалась сцена похищения Якубовичем героини и его дуэль с ее братом.

Портрет Якубовича сделан Пушкиным в альбоме его приятельницы Ушаковых по возвращении из путешествия в Арзрум, вероятно, под впечатлением рассказов, слышанных поэтом на Кавказе о приключениях Якубовича. Пушкин не видел его двенадцать лет, но выразительная внешность знаменитого бретера, героя бесчисленных приключений, воскресла в артистическом рисунке Пушкина. Пушкину не пришлось видеть Якубовича в повязке, он не знал, что тот ходил коротко стриженным, и нарисовал

ему стоящие дыбом волосы, прекрасно дополняющие его дикий взор и выражающие неукротимость его натуры.

3. ПОРТРЕТ ГРИБОЕДОВА

«Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году, — писал Пушкин после смерти писателя. — Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, — все в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан, даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подзвонии. Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую несносную улыбку, — когда случалось им говорить о нем, как о человеке необыкновенном. Люди верят только Славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротой, или другой Декарт, не напечатывавший ни одной строчки в Московском Телеграфе. Впрочем, уважение наше к Славе происходит, может быть, от самолюбия; в состав славы входит ведь и наш голос».

Эти глубокие и мудрые размышления Пушкина, эта изумительная по остроте сопоставлений характеристика сопровождают рассказ о встрече поэта с телом убитого Грибоедова. Пушкин вспоминает о «странных предчувствиях» и «пророческих словах» Грибоедова перед его отъездом на Кавказ. Пушкин говорит о «пылких страстях» Грибоедова в молодости, об осьми годах «уединенных, неусыпных за

ВЕНОК

С. МАРШАК

Не лавры жесткие в его венок,
А свежие цветы земли родимой
Вплетут сегодня запад и восток,
Онежские леса и рощи Крыма.

И если был пред смертью одинок
Поэт, придворной челядью гонимый,
То в наши дни так явственно и зримо
Исполнился предсказанный им срок.

Во всех краях великого Союза
Смеющаяся пушкинская муза
Нашла себе признание и уют.
В степях и тундрах Пушкина поют.
И он зовет на подвиги поэтов
В стране труда — в Республике Советов.

ятий» в Грузии, о «неописанном действии», произведенном «Горем от ума», вдруг поставившем «его на ряд с первыми нашими поэтами». Поэт говорит о бране Грибоедова, о последних годах его жизни, о смерти, постигшей его «посреди смелого, неравного боя», которая «из имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна».

Эти страницы, внесенные Пушкиным в «Путешествие в Арзрум», — конечно, лучшие слова, когда-либо написанные о Грибоедове, и, может быть, лучший некролог в мировой литературе.

Не раз стремился Пушкин и в рисунке передать образ так высоко им ценного, «замечательного» человека — Грибоедова. Публикуемый портрет из ушаковского альбома сделан, повидимому, вскоре после получения известия о гибели Грибоедова. Живо и выразительно передана на портрете его усмешка. Намеченный на рисунке головной убор, какой носили персидские сановники, говорит о горестных раздумьях Пушкина по поводу дипломатической карьеры Грибоедова, так рано оборвавшей «бурную его жизнь».

Т. ЦЯВЛОВСКАЯ ЗЕНГЕР